

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 392

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия

Екатерина Алексеевна Шкурская¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-3655-0250. E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Шкурская Е. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Дорога как метатекст аккумулирует вариативные формы подвижности, определяющиеся разными способами освоения инобытия. В данной статье мы рассматриваем ситуацию ухода в широком плане — как странничество, освоение новых территорий. *Актуальность* работы определяется сравнительно-сопоставительным подходом к исследованию дорожной традиции в русской и калмыцкой лингвокультуре. *Целью* нашего исследования является вычленение и систематизация охранительных дорожных ритуалов и запретов в русской и калмыцкой традиции в аспекте благополучия. *Материалы, источники и методы исследования.* Опорными источниками для исследования послужили работы Т. Б. Щепанской, А. К. Байбурина, В. А. Коршункова, Н. Л. Жуковской. *Основными методами,* использованными в работе, являются сравнительно-исторический и ретроспективный, позволяющие вычленить общие и частные дорожные охранительные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре. *Хронологические рамки исследования* укладываются в конец XIX – начало XX в. *Результаты.* Освоение новых территорий связано с преодолением границ «своего-чужого пространства», поэтому ситуация ухода как в русской, так и в калмыцкой культуре характеризуется повышенной семиотичностью, это находит отражение в охранительных ритуалах и запретных действиях, связанных с отправлением в путь. В русской культуре к охранительным ритуалам безопасности относятся плач / гульба, застолье, обычай «присядем на дорожку», напутственные благословения при выходе из дома. Табуированными считались запреты на вторичное действие, возобновление домашних дел, вербальные запреты, связанные с направлением пути. В калмыцкой культурной традиции маркированы ритуал отправления в путь, сопровождающийся напутственными благопожеланиями, и ритуал освоения пространственных территорий. Территориальный запрет связан с невозможностью селиться у дороги. *Выводы.* Охранительные дорожные ритуалы безопасности в русской культуре направлены на преодоление границы «свое-чужое», что объясняется оседлым самосознанием русских. В калмыцкой лингвокультурной традиции дорожная ритуально-обрядовая сторона связана с пространственным освоением окружающего мира, которое воплощено не только движением, но и остановкой.

Ключевые слова: ритуал, обряд, запрет, культурная традиция, фольклор, кочевье

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Шкурская Е. А. Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 85-95. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being

*Ekaterina A. Shkurskaya*¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-3655-0250. E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Shkurskaya E. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The road as a metatext accumulates variable forms of mobility which are determined by different ways of mastering alien territories. The article deals with departure in a broad sense — as pilgrimage and development of new lands. The relevance of the work is determined by the comparative approach to the study of the road tradition in Russian and Kalmyk linguocultures. *Goals.* The article seeks to identify and systematize protective road rituals and taboos in the Russian and Kalmyk traditions in the aspect of well-being. *Materials and Methods.* The study focuses on works by T. Shchepanskaya, A. Bayburin, V. Korshunkov, and N. Zhukovskaya. The main research methods employed are the comparative-historical and retrospective ones which make it possible to distinguish general and particular road safety rituals and prohibitions in Russian and Kalmyk cultures. Chronologically, the study covers the period between the late 18th and early 20th centuries. *Results.* The mastering of new territories is associated with overcoming boundaries of ‘own-alien’ space, which results in that departure both in Russian and in Kalmyk cultures is characterized by increased semiotics reflected in protective rituals and certain related actions to be avoided thereto. In Russian culture, protective rituals of safety include as follows: crying/*gulba*, feasts, the ‘sit-down-on-the-path’ custom, farewell blessings when leaving the house. The road ritual taboos comprise any repeat of already accomplished actions, resumption of household cares, verbal prohibitions dealing with the direction. In the Kalmyk cultural tradition, the ritual of departure is accompanied by uttering good wishes and the ritual of development of new territories. It was prohibited to settle near the roads. *Conclusions.* Russian protective road rituals are aimed at overcoming the border of the ‘own-alien’, which can be explained by the sedentary self-consciousness of Russians. In the Kalmyk linguistic and cultural tradition, the road ritual and its ceremonial part are associated with the spatial development of the surrounding world which is manifested not only in movement but also in stops.

Keywords: ritual, rite, prohibition, cultural tradition, folklore, nomadism

Acknowledgements. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Shkurskaya E. A. Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 85-95. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

Введение

Дороги очень важны для общества в целом: перемещаясь в пространстве, человек не только осваивает новые территории, но и меняется сам, иначе воспринимает окружающий мир и себя в нем. Вариативные формы подвижности определяются разными способами освоения инобытия [Головнев 2009; Васильев 2009; Коршунков 2015].

Т. Б. Щепанская противопоставляет дом — мифологически безопасное пространство — дороге, миру внешнему, угрожающему, затрагивает аспекты дорожной тематики, связанные с преодолением этих границ [Щепанская 2003].

В. А. Коршунков исследует феномен дороги в обрядово-мифологической традиции и повседневной культуре России [Коршунков 2015]. А. К. Байбури раскрывает фольклорно-мифологические аспекты, связанные с мотивом дороги [Байбури 1993]. А. В. Головнев затрагивает вопросы подвижности этничности, выделяет оседлые и кочевые варианты взаимодействия с пространством [Головнев 2009]. М. И. Васильев рассматривает сухопутные и водные коммуникации в системе русского транспорта [Васильев 2009]. Таким образом, преодоление границы «свое-чужое» может быть связано как с дорожной ситуацией непосредственно, так и с изменением статуса уходящего: переселение, уход на богомолье, замужество, рекрутские сборы, последний путь человека. В данной статье мы рассматриваем ситуацию ухода в широком плане — как странничество, освоение новых территорий в русской и калмыцкой лингвокультуре.

Традиционно русскую культуру ассоциируют с оседлым образом жизни, однако культ дороги в России очень развит, по словам Т. Б. Щепанской, «русские — движущийся этнос с самосознанием оседлого» [Щепанская 2003: 7].

Уход и отправление в путь предполагает прекращение оседлого жительства и переход на подвижный образ жизни. В русской культуре существовало несколько форм передвижений: переселение как земледельческое освоение территории, сезонная миграция, уход на различные промыслы, рекрутские сборы, а также религиозное странничество — уход на богомолье и паломничество в святые места.

Дом в русской культуре воспринимается как мифологически безопасное пространство и противостоит дороге — миру внешнему, угрожающему. Дорожная ситуация независимо от цели путешествия позиционируется амбивалентно: с одной стороны, как кризисная и находит отражение в ритуальном плаче перед уходом домочадца («долгие проводы — лишние слезы»), с другой стороны, как праздничная. Разрыв с рутинным порядком действий предполагает смену формы поведения с повседневной на торжественную. Перед проводами домочадца в селениях временно прекращались работы, устраивались застолья, происходили обмены дарами. Домашний человек, отправляющийся

в путь, менял свой статус, Т. Б. Щепанская выделяет такую градацию: «домашний», «ушелец», «путник», «пришелец» [Щепанская 2003: 7]. Смена статуса отражена и в вербальных текстах, связанных с ситуацией отправления в путь: «уход», «в пути», «возвращение». В таблице 1, представленной ниже, мы выделяем группу фольклорных текстов, в которых закреплены прощальные напутствия и формулы поведения в дороге.

Таблица 1. Вербальные фольклорные тексты в связи с дорожной ситуацией:
[Table 1. Road-related verbal folklore texts]

Дорожная ситуация	Фольклорные жанры
Уход	прощальные, напутственные формулы благословения; тосты «на посошок»; плачи; заговоры «в путь»
В пути	охранительные молитвы; заговоры; формулы вызова Лешего; приветствия при встрече; дорожные песни
Приход	приветствие; формулы знакомства; приметы, говорящие о приближении человека; рассказы о событии в дороге; правила прибытия и гостеприимства

Так как ситуация ухода является пограничной, в ней в наибольшей степени закреплены дорожные ритуалы, обряды и запреты, связанные с отправлением в путь. Рассмотрим наиболее частотные в таблице 2.

Таблица 2. Охранительные дорожные ритуалы и запреты в русской культурной традиции
[Table 2. Protective road rituals and taboos in the Russian cultural tradition]

Ритуалы	Запреты
охранительные ритуалы безопасности: плач / гульба; застолье; ритуал «присядем на дорожку»; напутственные благословения при выходе из дома; проводы до порога, околицы, границы селения; охранительные молитвы и заговоры; предметные обереги, памятки	запрет при выходе из дома: нельзя оборачиваться, нельзя возвращаться, нельзя «перекрывать» дорогу; запрет на домашнюю работу: нельзя мыть пол, выметать мусор; темпоральный запрет: нельзя уходить в праздничные дни, а также в памятные дни, нельзя покидать дом после полуночи; вербальный запрет: запрет спрашивать о направлении пути

Мы уже упоминали, что ситуация ухода сопровождалась перерывом в течении повседневного положения дел, сменой статуса отправляющегося в путь, поэтому кризисная реакция выражалась в форме ритуального оплакивания

«ушельца», а радостная мифоритуальная сторона преломляла темпоральную организацию пространства, когда время отправления сдвигалось, а время проводов растягивалось от одного дня до месяца [Щепанская 2003: 57].

Проводы сопровождалась гульбой, существовали разные формы подвижности: гуляния по улицам, хороводы, игры в горелки, катания на лошадях. Кульминационным моментом проводов считались «проводины», или торжественное застолье. Подобная прощальная церемония сопровождалась коллективным угощением, а также символической трапезой «выпить на посошок», когда стол накрывался скатертью, сверху ставили хлеб-соль, гости садились вокруг стола, спиной к печи и минуту молчали. Печь являлась центром домашнего пространства, точкой отсчета, откуда начинался путь, символом связи уходящего с домом, поэтому, чтобы не тосковать по дому, к печи садились спиной или поодаль, такое магическое действие «от тоски» устанавливало временное блокирование связи между уезжающими и домочадцами [Щепанская 2003: 88].

До наших дней дошел обычай «присесть на дорожку» перед отъездом, чтобы путь был гладким и безопасным, нередко он сопровождается кратковременным молчанием. Т. Б. Щепанская связывает его происхождение с праздничной стороной дорожного ритуала: устраивать застолье перед дальней дорогой и «выпить на посошок» [Щепанская 2003: 85].

В. А. Коршунков, опираясь на исследования М. И. Шахновича, полагает, что его возникновение объясняется представлением домочадцев о том, что в минуту молчания домовый учит уезжающих, как вернуться невредимыми домой, также домочадцы мысленно спрашивают разрешения у хозяина жилища покинуть дом (цит. по: [Коршунков 2015: 94]).

А. К. Байбурин объясняет этот обычай ритуальной семиотичностью всех действий, связанных с пограничной ситуацией входа-выхода из жилища, указывает на маркирование инициальной ситуации пространственно-временного противопоставления начала-конца пребывания в доме [Байбурин 1993: 216].

Подобной повышенной семиотичностью характеризуется обычай проводов гостя до порога, магическое обоснование этого обряда объясняется представлением о том, что порог — это граница домашнего пространства и что гость, с которым обошлись неуважительно, мог унести из дома удачу.

Ритуальные проводы обязательно сопровождалась вербальными клишированными формулами напутствия в дорогу. К наиболее частотным этикетным формам напутствия в русской культуре относятся выражения: «счастливого пути», «с богом», «помолись, помолись, да и в путь соберись», «не помолвишься Богу, не ездят в дорогу». В этих напутственных обращениях сосредоточена идея счастливой, безопасной, гладкой дороги, охранную функцию выполняют высшие силы и сила молитвы.

Помимо вербальных пожеланий со стороны домочадцев существовал ритуал ухода. Перед отправлением в дальнюю дорогу было принято просить прощения у близких и низко кланяться, приговаривая: «Не поминайте лихом». Подобное ритуальное действие связано с представлением о дороге как о тяжелом, опасном испытании [Коршунков 2015: 55].

Необходимым элементом прощального обряда были напутственные молитвы и заговоры, очень часто наблюдалась их контаминация. Молитвы проносились либо как напутствия перед дорогой, либо использовались как охранные памятки в пути. Вербальная форма напутствий вариативна: молитвы-«кресты», богородичные молитвы, молитвы к ангелу-хранителю, к св. Николаю Чудотворцу.

Представляет интерес смысловая организация молитв-«крестов», когда вербальная презентация текста рисует своеобразный крест, оберегающий путника: «Господи, благослови. Спереди крест, сзади крест, по правую сторону крест, по левую сторону крест, над головой сам Иисус Христос» [[Щепанская 2003: 94](#)].

Проводы завершались обменом дарами или памятками. Памятки — простые предметы, обретавшие магический смысл, вещь на память о доме, либо на счастье. Памятка сохраняет связь с домом и родными, обретает магическое и охранное свойство во время ритуального прощания, когда вербальное пожелание благополучия переносится на подаренную вещь в момент проводов или прощания перед дальней дорогой. Примером памятки в русской культуре могут быть: тканые изделия, например, платок, вышитый возлюбленной или матерью; атрибуты печи, символизирующие домашний очаг, — зола, уголек; хлеб-соль в дорогу; горсть земли как напоминание о родном крае, а также обереги христианского происхождения: нательные кресты, иконки [[Щепанская 2003: 110–116](#)].

Назначение таких памяток разное: связь с родным домом, противостояние злым силам на чужбине, залог верности и предстоящей встречи, залог возвращения и связи с родиной, охранная функция.

Ситуация ухода также сопровождается многими табуированными действиями. Мы выделяем группу запретов при выходе из дома, табу на домашние действия, темпоральные и вербальные запреты.

Рассмотрим каждую из выделенных групп. В отношении понятия «свое-чужое пространство» существовал ряд запретов, связанных с оправлением в дальнюю дорогу. Табуированными считались вторичные действия: нельзя оборачиваться, нельзя возвращаться, а также преломление пути — нельзя переходить дорогу покидающему дом.

А. К. Байбурин объясняет поверья о нежелательности возвращения запретом вторичного действия [[Байбурин 1993: 216](#)]. В народной культуре переход дороги наперерез понимался как вредоносный, связывался с утратой счастья, здоровья, плодovitости.

Табу на домашние действия, на наш взгляд, были связаны с утратой домом статуса очага. На некоторое время это место становилось зоной отчуждения, так как соприкасалось с дорогой, инобытием. Варианты запретов были различны, большинство из них связаны с трансформацией привычного уклада жизни, поэтому нельзя убирать, выносить мусор, подметать. Запрет, сохранившийся в наши дни, не мыть пол и не подметать после отъезда близких людей, чтобы не «вымести след», развился из старинного запрета выметать сор из избы. Также это табу было связано с мифологическим представлением о «своем-чужом».

жом» мире, возможностью вернуться в свое жилье, чтобы легче было опознать свое пространство.

Темпоральные запреты ассоциировались с днями, неблагоприятными для путешествий. К ним относились некоторые языческие и христианские праздники (ночь на Ивана Купалу, праздник Воздвиженья Креста Господня), а также памятные дни, связанные с утратой близких людей.

Также на время выхода в путь влияли суточные циклы. Благоприятным временем отправления считалась первая половина дня, запрет на передвижение в полночь объяснялся активностью inferнальных сил.

Вербальные запреты связаны с векторностью направления и конечностью пути. Табуированными были как слова вопрошающего, так и ответы уходящего в путь. Запретными словами считались: «Куда?», «Где?», «Далече?». Согласно представлениям наших предков, нельзя было «кудыкать», чтобы не спугнуть счастье или удачу в пути. Строгость запрета объясняется созвучием с корнем «куд», которым в простонародье обозначалось колдовство (ср. «кудеса», «кудесник»). В толковом словаре В. Даля старославянскую словоформу «куд» связывают со «злым духом», с выполнением действий волхования.

Традиционный ответ уходящего был вариативен. Так, в Калужской губернии отвечали: «Куды, куды! В лягушачьи пруды — лягушек ловить да тебя, дурака, кормить!». В Амурской области вербальная реакция была следующая: «На Кудыкину Гору, мышей ловить, тебя кормить!» [Коршунков 2015: 123]. Такие завуалированные речевые клише объяснялись строгим запретом отвечать, что уходишь «недалеко» или «ненадолго».

Большинство дорожных ритуалов и запретов русской культуры сосредоточены вокруг пограничной ситуации отправления в путь. Охранительные ритуалы безопасности направлены на преодоление границы «свое-чужое». Подобное освоение пространства объясняется оседлым самосознанием русских.

Кочевой образ жизни калмыцкого народа предполагает освоение новых территорий, завоевание внешней культуры, коллективное перемещение в пределах определенных пастбищ, поэтому дорожная ритуально-обрядовая сторона связана с пространственным освоением окружающего мира, которое воплощено не только движением, но и остановкой. К. А. Джушхинова указывает на дихотомию концентрического и линейного пространства в процессе кочевья. Линейное движение — непосредственно процесс перекочевки с одной стоянки на другую, под концентрическим понимается освоенное пространство кибитки [Джушхинова 2013: 49–50].

О юрте как о модели микромира кочевника писали многие ученые [Жуковская 1986; Пюрвеев 1975; Вайнштейн 1991; Бакаева 2003; и др.]. Так, Н. Л. Жуковская показывает, что кочевая юрта представляет собой модель вселенной [Жуковская 1988: 15–31]. Е. В. Голубева отмечает, что человек у кочевников — центр всех вещей и собственного мира [Голубева 2006: 9].

Рассмотрим в таблице 3 дорожные ритуалы и запреты в калмыцкой культуре, связанные с пространственным освоением территорий.

Таблица 3. Охранительные дорожные ритуалы и запреты
в калмыцкой культурной традиции
[Table 3. Protective road rituals and taboos in the Kalmyk cultural tradition]

Ритуалы	Запреты
Ритуалы отправления в путь: йорел (благопожелание в дорогу) « <i>цахан хаалһ</i> »; обращение к священнослужителю с просьбой «открыть дорогу»; обряд очищения огнем (« <i>шүр</i> »)	запрет при выходе из дома: нельзя оборачиваться; запрет на домашнюю работу: нельзя выметать мусор;
Ритуалы пространственного освоения территории: круг-маршрут кочевья; движение по солнцу; организация жилища и пространства социума в форме круга; выход кибитки на южную сторону	территориальный запрет: нельзя селиться у дороги

Ритуал отправления в путь в калмыцкой культуре детализирован: перед тем как отправиться в дальнюю дорогу, уезжающему дают выпить молоко, этот обычай «открывает» путь. Далее уезжающий перешагивает порог правой ногой (так как порог символизировал границу миров «свой-чужой», на него нельзя было садиться, вставать ногами, разговаривать или передавать что-либо) [Борджанова 2007: 41].

Правая сторона в калмыцкой культуре сакральна, поэтому надо было сделать три шага направо, а потом повернуть в нужном направлении. На кровать кладут острый предмет острием вперед, который должен так лежать до приезда хозяина, а тот, кто уезжал, должен бросить на землю белую монету и произнести: «Пусть эта земля одарит меня силой и успехом, пусть замыслы мои сбудутся», тогда дорога будет светлой и доброй [Ользеева 2007: 172].

Перед отправлением обязательно произносились заговорные тексты «на хорошую дорогу» [Овалов 1985: 109], которые в фольклорной традиции калмыков именуется «*хаалһин йөрэл*» ‘благопожелание пути’ [Бардаев, Пюрбеев, Муниев 1990: 123].

Т. Г. Борджанова выделяет следующую структуру благопожелания: обращение к путнику, пожелание исполнения намеченных дел, пожелание удачного возвращения домой [Борджанова 2007: 53].

Вербальная клишированная формула напутствия «Белой дороги» — «*цахан хаалһ*» аккумулирует идеи пожелания как счастливого пути (гладкой, хорошей дороги), так и счастливой судьбы (счастья, успехов). Это связано с тем, что в калмыцкой лингвокультуре значение слова «*хаалһ*» связано с понятиями «дорога», «путь», «способ», «счастье». У счастливого человека дорога должна быть всегда открыта [Борджанова 2007: 53]. Семантическое осмысление белого цвета в калмыцкой культуре сакрально. Оно олицетворяет счастье и благополучие, чистоту и благородство, почет и высокое положение в обществе [Жуковская 2007: 201]. Поэтому идея белой дороги вмещает в себя понятия счастливой, достойной жизни, благих дел и помыслов, удачи.

Таким образом, пожелание счастливой дороги как охранный дорожный ритуал наблюдается как в русской, так и в калмыцкой лингвокультуре. Если для русского народа вербальная организация текста сосредоточена вокруг ситуации пути (охранная функция в дороге), в калмыцкой культурной традиции акцентируется дихотомия пути и возвращения домой.

Обряд «*шур*» связан с весенним кочевьем — при всяком начинании, перемещении происходило так называемое очищение огнем: сжигание старых вещей, окуривание домашних животных. Этот обряд символизировал расставание с прошлым, избавление от старых переживаний, новый период жизни [Сарангаева 2009: 82–83].

Ритуалы пространственного освоения новой территории в калмыцкой культуре связаны с идеей кругового «правильного движения», то есть по направлению движения солнца с возвращением на восточную сторону [Бакаева, Сангаджиев 2005: 60]. Круг являлся формообразующим началом у кочевников, символизировал гармонию, единение, целостность, упорядоченность по отношению к сакральному центру, защиту, солнечную энергию. Циклический и жизненный путь в буддийской традиции. В форме круга сооружалось жилище, выстраивалось пространство социума: все кибитки в хотоне располагались по кругу, а жилище старшего помещалось в центре.

Ориентация в пространстве была связана со сторонами света, южная сторона в калмыцкой культуре символизировала благополучие, энергию солнца, ассоциировалась с желтым цветом, дополнялась символикой красного — цвета огня (очага) как продолжения солнечной энергии [Бакаева, Сангаджиев 2005: 60]. Вход в кибитку в калмыцкой культурной традиции был с южной стороны.

Обратимся к дорожным запретам.

Наряду с фольклорными запретами вторичности какого-либо действия при отправлении в путь, которое встречается как русской, так и в калмыцкой культурной традиции, представляет интерес территориальный запрет, который проявляется в табуированности расселения близ дорог у кочевников. Этот запрет объясняется вариативностью векторности пути в сознании калмыцкого народа: путь-движение, жизненный путь (*хаалһ*) вертикален и циклический. В духовном плане это движение к сакральному. Большая дорога (*зам*), путь-трасса (*шүһм*) — линейны. Поэтому дорога-трасса воспринимается как признак горизонтального перемещения в пространстве, движение в инобытие, не имеет характеристику границы или защиты, характеризуется отрицательно. В калмыцком фольклоре существовало поверье, что по дороге могут летать духи «шулмусы», которые способны навредить человеку. Благоприятными местами размещения у кочевых народов считались территории близ водных источников, вдали от дорог [Бакаева, Сангаджиев 2005: 62].

Заключение

Детализация дорожных ритуалов и запретов в русской и калмыцкой лингвокультуре говорит о значимости освоения пространства как для оседлого, так и кочевого этносов. Охранительные ритуалы безопасности в русской культуре связаны с преодолением границы домашнего пространства, характеризуются амбивалентно: ритуал плач / гульба иллюстрирует смену стату-

са уходящего, обычай «присесть на дорожку», напутственные пожелания при выходе из дома, обмен охранными памятками объясняются ритуальной семитичностью всех действий, связанных с пограничной ситуацией входа-выхода из жилища. Табуированными считались запреты на вторичное действие, возобновление домашних дел, вербальные запреты, связанные с направлением пути. В калмыцкой культурной традиции маркированы ритуал отправления в путь, сопровождающийся напутственными благопожеланиями и ритуал освоения пространственных территорий. Территориальный запрет номадов связан с нежелательностью поселения у дороги. Таким образом, в калмыцкой культуре ритуально-обрядовая сторона отправления в путь связана с пространственным освоением окружающего мира. Для русского самосознания охранительные дорожные ритуалы направлены на преодоление границы «свое–чужое».

Литература

- Байбурун 1993 — *Байбурун А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семитический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Этнические стереотипы и проблема семантики кочевого жилища // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 220–232.
- Бардаев, Пюрбеев, Муниев 1990 — *Бардаев Э. Ч. Пюрбеев Г. Ц., Муниев Б. Д.* Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Васильев 2009 — *Васильев М. И.* Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 48 с.
- Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Головнев 2009 — *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрОРАН; Волот, 2009. 496 с.
- Голубева 2006 — *Голубева Е. В.* Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.
- Джушхинова 2013 — *Джушхинова К. А.* «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52.
- Жуковская 1986 — *Жуковская Н. Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии / отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: ГРВЛ, Наука, 1986. С. 118–134.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: ГРВЛ, Наука, 1988. 196 с.
- Жуковская 2007 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2007. 247 с.
- Коршунков 2015 — *Коршунков В. А.* Дорожная традиция России. Поверья, обычаи, обряды. М.: Неолит, 2015. 161 с.
- Сарангаева 2009 — *Сарангаева Ж. Н.* Кочевье // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. С. 78–90.
- Овалов 1985 — *Овалов Э. Б.* Благопожелания (йорелы) — жанр калмыцкого фольклора (вопросы систематизации и публикации) // Калмыцкий фольклор: проблемы издания.

Элиста: Респуб. тип. Ком-та по делам изд-в, полигр. и кн. торг. СМ КалмАССР, 1985. С. 109–125.

- Ользеева 2007 — *Ользеева С. З.* Калмыцкие народные традиции (на калмыцком и русском языках). Элиста: НИП «Джангар», 2007. 480 с.
- Пюрвеев 1975 — *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 187 с.
- Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

References

- Bakaeva E. P. Nomadic dwelling: ethnic stereotypes and problem of semantics. In: *Mongolian Studies*. Vol. 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2003. Pp. 220–232. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. The Culture of Dwelling: Ethnic Traditions and Contemporary Priorities of the Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch. Pyurbeev G. Ts., Muniev B. D. Phrase Book of the Kalmyk Language. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 142 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bayburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Structural and Semiotic Analyses of East Slavic Rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 235 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics. Elista: Kalmyk Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Dzhushkhinova K. A. 'White road' as a precedent sign of the Kalmyk linguistic culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 2. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Golovnev A. V. Anthropology of Movement: Antiquities of Northern Eurasia. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS; Volot, 2009. 496 p. (In Russ.)
- Golubeva E. V. Ethnic and Cultural Specifics of the Kalmyk Linguistic World Image: A Case Study of Kalmyk Cultural Concepts. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.)
- Korshunkov V. A. The Road Tradition of Russia: Beliefs, Customs, Rites. Moscow: Neolit, 2015. 161 p. (In Russ.)
- Olzееva S. Z. Kalmyk Folk Traditions. Elista: Dzhangar, 2007. 480 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ovalov E. B. Well-wishing verses (yöräl) — a genre of Kalmyk folklore: issues of systematization and publication revisited. In: *Kalmyk Folklore and Publication Problems*. Elista: Council of Ministers of the Kalmyk ASSR, 1985. Pp. 109–125. (In Russ.)
- Pyurveev D. B. Architecture of Kalmykia. Moscow: Stroyizdat, 1975. 187 p. (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N. Nomadic territory. In: *Kalmyk and Russian Linguocultural Concepts*. Elista, 2009. Pp. 78–90. (In Russ.)
- Shchepanskaya T. B. Culture of Road in the Russian Mythoritual Tradition: 19th – 20th Centuries. Moscow: Indrik, 2003. 528 p. (In Russ.)
- Vasilyev M. I. Russian Land Communications and Sleighs, 10th to 20th Centuries: Key Development Trends. Dr. Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2009. 48 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. The World of Central Asian Nomads. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Space and time in worldviews of Mongols. In: Zhukovskaya N. L. (ed.) *Myths, Cults, Rites of Non-Soviet Asia*. Moscow: GRVL, Nauka, 1986. Pp. 118–134. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Traditional Culture of Mongols: Categories and Symbols. Moscow: GRVL, Nauka, 1988. 196 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 247 p. (In Russ.)